

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

УИЛЬЯМ
ЛЭНДЕЙ

ЗАЩИЩАЯ
ДЖЕЙКОБА

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л 92

William Landay
DEFENDING JACOB
Copyright © 2012 by William Landay
All rights reserved

Перевод с английского Ирины Тетериной

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-16955-5

© И. А. Тетерина, перевод, 2019
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Давайте не будем переоценивать возможности уголовного права. <...> Достаточно просто представить, что нам каким-то волшебным образом удалось перенестись примерно эдак на три миллиона лет назад, во времена, когда наш самый ранний человекообразный предок, Адам, проточеловек, низкорослый, мохнатый и не так давно начавший передвигаться на двух ногах, рыскал по африканской саванне в поисках пропитания. Так вот, думаю, все согласится с тем, что, какие бы законы мы ни провозглашали этому маленькому сообразительному созданию, пытаться его погладить все равно было бы крайне неразумно.

Рейнард Томпсон.

Общая теория человеческого насилия. 1921

1

Большое жюри

М-р Лоджудис: Пожалуйста, назовите ваше имя.

Свидетель: Эндрю Барбер.

М-р Лоджудис: Кем вы работаете, мистер Барбер?

Свидетель: Я двадцать два года был помощником прокурора этого округа.

М-р Лоджудис: «Был»... А кем вы работаете в настоящее время?

Свидетель: Наверное, можно сказать, что я безработный.

В апреле 2008 года Нил Лоджудис наконец вызвал меня в суд на заседание большого жюри¹. Но было уже слишком поздно. Определенно слишком поздно и для дела, и для самого Лоджудиса тоже. Его репутация была безнадежно испорчена, а вместе с ней и карьера. Прокурор может какое-то время протянуть с испорченной репутацией, но его коллеги будут следить за ним, как волки, и в конечном счете выдавят его ради блага всей стаи. Сколько раз я уже такое видел: помощник окружного прокурора совершенно незаменимый вчера и полностью забытый сегодня.

¹ *Большое жюри* — в судопроизводстве США расширенная (численностью от 12 до 23 человек) коллегия присяжных заседателей, которая определяет обоснованность и целесообразность предъявления кому-либо официальных обвинений. Названо так потому, что в нем участвует большее число присяжных заседателей, чем в суде присяжных, также известном как малое жюри. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Я всегда питал слабость к Нилу Лоджудису (ударение на второй слог). В прокуратуру он пришел лет десять с небольшим тому назад, прямо со студенческой скамьи, в двадцать девять лет. Невысокий, с намечающейся лысиной и аккуратным брюшком. Рот его казался чересчур маленьким для такого количества зубов, и ему приходилось закрывать его с усилием, точно туго набитый чемодан, отчего лицо приобретало кислое выражение, а губы собирались в куриную гузку. Я старался напоминать ему, чтобы не делал такое лицо перед присяжными, — брезгливых людей не любит никто, — но у него это выходило произвольно. Он замирал прямо перед ложей присяжных, качая головой и поджав губы, словно строгая классная дама или священник, и каждый из присяжных испытывал тайное желание проголосовать против него. В прокуратуре Лоджудис пользовался репутацией пролазы и лизоблюда. Коллеги не упустили случая его поддеть. И ладно если бы только такие же, как он, помощники прокурора, но нет, по нему проходились буквально все, даже те, кто не имел к прокуратуре непосредственного отношения, — копы, клерки, секретари, люди, которые обычно не позволяют себе относиться к прокурорским с неприкрытым презрением. С чьей-то легкой руки к нему прилипло прозвище Милхаус, в честь глуповатого героя из «Симпсонов», и как только окружающие не изоцрялись, коверкая его фамилию: ЛоДурис, Лошурис, Лопухис, Лажалис, Сид Вишес и так далее, и так далее, и так далее, и так далее. Я же ничего против Лоджудиса не имел. Он был всего-навсего наивен. Из самых лучших побуждений ломал людям жизни, и угрызения совести не мешали ему спокойно спать по ночам. Ведь он преследовал только плохих! Это Глобальная Прокурорская Ошибка — они плохие, потому что я их преследую, — и Лоджудис был не первым, кто угодил

в эту ловушку, так что его праведный пыл казался мне простительным. Мне он даже нравился. Лоджудис imponировал мне именно своими странностями, своей непроизносимой фамилией, своими торчащими зубами — которые любой другой из его сверстников уже давным-давно исправил бы при помощи дорогущих брекетов, оплаченных, разумеется, из кармана папы с мамой, — даже своим неприкрытым честолюбием. Было в нем что-то такое, что вызывало у меня уважение. Та стойкость, с которой он держался, несмотря на всеобщую неприязнь, то, как упрямо гнул свою линию. Он определенно был парнишкой из рабочего класса, исполненным решимости заполучить то, что многим другим жизнь преподнесла на блюдечке с голубой каемочкой. В этом, и только в этом отношении он, пожалуй, был очень похож на меня.

Теперь, десять с лишним лет спустя после появления в прокуратуре, несмотря на все свои заскоки, он добился своей цели, ну, или почти добился. Нил Лоджудис был первым заместителем, вторым лицом в прокуратуре округа Мидлсекс, правой рукой окружного прокурора и старшим следователем. Он занял мое место — этот парнишка, который когда-то сообщил мне: «Энди, я очень хочу когда-нибудь достичь ваших высот». Мне следовало бы это предвидеть.

В то утро в зале, где заседало большое жюри, царила мрачная, подавленная атмосфера. Присяжные, тридцать с небольшим мужчин и женщин, у которых не хватило ума найти способ увильнуть от исполнения своего гражданского долга, сидели, втиснутые в тесные школьные кресла с каплевидными столиками вместо подлокотников. Все они уже отлично понимали, в чем будет заключаться их задача. Большое жюри созывается на несколько месяцев, и его члены очень быстро уясняют, что от

них требуется: обвинить, указать пальцем, заклеить грешника.

Заседание большого жюри — это не суд. В зале нет ни судьи, ни адвоката. Бал тут правит прокурор. Это расследование и — в теории — проверка позиции прокурора на прочность, поскольку большое жюри решает, располагает ли тот вескими основаниями для того, чтобы притащить подозреваемого в суд. Если таких оснований достаточно, большое жюри выносит вердикт о привлечении его к суду в качестве обвиняемого, выдавая тем самым прокурору билет в Верховный суд. Если же нет, выносится постановление об отказе в обвинительном акте и дело закрывается, не начавшись. На практике подобное случается крайне редко. Как правило, большое жюри решает, что делу необходимо дать ход. А почему нет? Они видят только одну сторону.

Но в данном случае, подозреваю, присяжные понимали, что Лоджудису ничего не светит. Не сегодня. Глупо даже надеяться докопаться до истины — с такими-то тухлыми уликами, да еще и после всего, что успело произойти за это время. Минуло уже больше года — двенадцать с лишним месяцев с тех пор, как в лесу было обнаружено тело четырнадцатилетнего подростка с тремя колотыми ранами на груди, расположенными так, как будто в него воткнули презубец. Но дело было не во времени — не столько во времени. Дело во всем остальном. Было уже слишком поздно, и большое жюри это понимало.

И я тоже это понимал.

И лишь Лоджудис держался как ни в чем не бывало. Собрав губы в эту свою куриную гузку, он сосредоточенно перечитывал собственные записи в большом желтом блокноте, обдумывая следующий шаг. Еще бы, ведь я сам

его этому и научил. Это мой голос звучал сейчас в его мозгу: не важно, что дело заведомо проигрышное, — придерживайся системы. Играй в эту игру по тем самым правилам, по которым в нее играют последние пятьсот с гаком лет, используй ту самую неизменную тактику, к которой прибегают при перекрестном допросе: заманиваешь, подавливаешь — и берешь голыми руками.

— Вы помните, при каких обстоятельствах впервые услышали об убийстве этого мальчика, Рифкина? — спросил он.

— Да.

— Опишите их.

— Мне позвонили, если не ошибаюсь, из ОПБП¹ полиции штата. Потом один за другим последовали еще два звонка — из полиции Ньютона и от дежурного прокурора. Возможно, не конкретно в таком порядке, но телефон начал разрываться сразу же.

— Когда это было?

— В четверг, двенадцатого апреля две тысячи седьмого года, примерно в девять часов утра, вскоре после того, как было обнаружено тело.

— Почему позвонили именно вам?

— Я был первым заместителем. Мне докладывали обо всех убийствах в округе. Это стандартная процедура.

— Но вы же не оставляли все эти дела у себя, так ведь? Не занимались расследованием каждого убийства и не вели дела в суде лично?

— Нет; разумеется, нет. У меня просто не хватило бы на это времени. Я крайне редко оставлял такие дела у себя. Большую часть поручал другим следователям.

— Но это оставили у себя.

— Да.

¹ Отдел по предотвращению и борьбе с преступностью.

— Вы сразу же решили, что возьмете его сами, или приняли это решение позднее?

— Я принял это решение практически сразу же.

— Почему? По какой причине вы захотели взять именно это дело?

— У меня с окружным прокурором Линн Канаван существовала договоренность, что определенные дела я буду вести лично.

— Какого рода дела?

— Особой важности.

— Почему именно вы?

— Я был старшим следователем прокуратуры. Она хотела быть уверена в том, что важные дела расследуются на высоком уровне.

— Кто определял степень важности дела?

— На раннем этапе я. По согласованию с окружным прокурором, разумеется, но в самом начале все всегда происходит очень быстро. Времени на совещания обычно нет.

— Значит, это вы классифицировали убийство Рифкина как дело особой важности?

— Разумеется.

— Почему?

— Потому что погиб ребенок. Кроме того, у нас были опасения, что сведения могут просочиться в средства массовой информации, и тогда не миновать шумихи. Пресса обожает такие дела. Богатый район, жертва из состоятельной семьи. У нас уже было несколько подобных случаев. К тому же сначала мы толком не знали, что именно произошло. По некоторым признакам это напоминало школьное убийство, что-то в духе школы «Колумбайн». В общем, мы на тот момент ни черта не понимали, но дело выглядело как потенциально громкое.

Если бы оказалось, что там на самом деле какая-нибудь ерунда, я бы потом просто передал его кому-то другому, но в первые несколько часов мне нужна была уверенность в том, что все будет сделано как надо.

— Вы доложили окружному прокурору о том, что у вас в этом деле возникает конфликт интересов?

— Нет.

— Почему?

— Потому что никакого конфликта интересов у меня не было.

— Разве ваш сын Джейкоб не учился в одной параллели с погибшим мальчиком?

— Да, но я лично не был знаком с жертвой. И Джейкоб тоже, насколько мне было известно. Я даже имени его никогда не слышал.

— Значит, вы не знали погибшего ребенка. Хорошо. Но вы знали, что он и ваш сын учились в одной и той же параллели одной и той же средней школы одного и того же города?

— Да.

— И тем не менее не считали, что у вас возникает в этом деле конфликт интересов? Не считали, что ваша объективность может быть поставлена под сомнение?

— Нет. Разумеется, нет.

— И даже теперь? Вы настаиваете на том, что... Даже теперь вы *все равно* не считаете, что в сложившихся обстоятельствах не создавалось даже *видимости* вашей личной заинтересованности?

— Нет, в этом не было ничего противозаконного. И даже необычного. Тот факт, что я проживал в городе, где произошло это убийство? Так это было и хорошо. В небольших округах прокурор нередко живет в общине, где происходит убийство, и знает людей, которых

оно затрагивает. И что? От этого он просто еще сильнее хочет, чтобы убийца был пойман. Никакой это не конфликт интересов. Если так на все смотреть, у меня конфликт по всем делам. Это моя работа. Было совершено чудовищное преступление, и в мои обязанности входило им заниматься. Именно так я и намерен был поступить.

— Ясно.

Лоджудис уткнулся в свой блокнот. Нет смысла набрасываться на свидетеля раньше времени. Он, без сомнения, вернется к этому вопросу позже, когда я буду измотан. А пока что лучше не гнать волну.

— Вы осведомлены о правах, гарантированных вам Пятой поправкой?

— Разумеется.

— И вы отказались от них.

— Как видите. Я здесь. Разговариваю с вами.

В рядах присяжных послышались смешки.

Лоджудис положил свой блокнот, а вместе с ним, судя по всему, и на какое-то время отложил свой план.

— Мистер Барбер... Энди, могу я задать вам один вопрос? Почему вы не воспользовались своими правами? Почему не отказались давать показания?

Следующее предложение — «Я бы на вашем месте именно так и поступил» — он оставил висеть в воздухе недосказанным.

На мгновение я решил, что это тактический прием, элемент игры на публику. Но Лоджудис, похоже, не притворялся. Он опасался, что я что-то задумал. Ему не хотелось, чтобы его обвели вокруг пальца и выставили дураком.

— Я не откажусь давать показания. Хочу, чтобы была установлена истина.

— Какой бы она ни оказалась?

— Я верю в систему, как и вы, как и все остальные, присутствующие в этом зале.

А вот это уже была не вполне правда. Я не верю в судебную систему и уж точно не считаю, что она способна эффективно установить истину. Как и любой юрист. Слишком много ошибок мы все видели, слишком много скверных результатов. Вердикт жюри — это всего лишь предположение, пусть обыкновенно и подпитываемое благими побуждениями, но путем голосования факт от вымысла отличить невозможно. И тем не менее, несмотря на все вышесказанное, я верю в силу ритуала. Верю в религиозный символизм, в черные мантии, в беломраморные дворцы правосудия, похожие на греческие храмы. Когда мы вершим суд, мы служим мессу. Совместно молимся о том, чтобы справедливость восторжествовала, а зло понесло наказание, и это стоит делать вне зависимости от того, доходят ли наши молитвы по назначению.

Разумеется, Лоджудис всю эту пафосную чушь не оценил бы. Он жил в двоичном юридическом мире, где ты либо виновен, либо нет, и был намерен не дать мне вырваться за его рамки.

— Значит, вы верите в систему, да? — хмыкнул он. — Что ж, Энди, тогда давайте к ней вернемся. Пусть система сделает свое дело.

Он устремил на присяжных многозначительный взгляд, исполненный самолюбования.

Ты ж мой умница! Не позволяй свидетелю прыгнуть в постель к присяжным — прыгай к ним в постель сам. Прыгай и сворачивайся калачиком под одеялом рядом с ними, а свидетель пусть остается с носом. Я ухмыльнулся. Честное слово, я бы встал и заплотировал ему, если бы было можно, потому что сам его этому научил. Не стоит отказывать себе в законном поводе для гор-

дости. Выходит, не так уж я и плох — ведь удалось же мне в конце концов сделать из Нила Лоджудиса некоторое подобие пристойного юриста.

— Ну, давайте уже, — произнес я, утыкаясь носом в шею присяжных. — Нил, заканчивайте кружить вокруг да около и переходите к делу.

Он устремил на меня взгляд, затем вновь взял в руки свой желтый блокнот и принялся проглядывать заметки, ища нужное место. На лбу у него практически огненными буквами было написано: «Заманиваешь, подлавливаешь — и берешь голыми руками».

— Хорошо, — произнес он, — давайте вспомним о том, что произошло после убийства.

2

Наш круг

*Апрель 2007 года:
двенадцатью месяцами ранее*

Когда Рифкины устроили в своем доме *шиву* — так у иудеев называется семидневный период траура, — казалось, к ним набился весь город. Погоревать спокойно им давать не собирались. Убийство мальчика всколыхнуло всех жителей города, и траур обещал превратиться в общественное мероприятие. В доме было столько народу, что, когда время от времени приглушенный гул голосов становился громче, атмосфера начинала до неприличия напоминать вечеринку. Потом все дружно понижали голос, как будто кто-то прикручивал незримую ручку регулировки громкости.

Я с извиняющимся видом принялся пробираться сквозь толпу, то и дело повторяя: «Прошу прощения!» — и лавируя между группками людей.

Все смотрели на меня с любопытством. «Это он, это Энди Барбер», — произнес кто-то, но я не стал останавливаться. С момента убийства прошло уже четыре дня, и все знали, что уголовное дело веду я. Им, разумеется, очень хотелось спросить меня о подозреваемых, и уликах, и всем таком прочем, но никто не отваживался. Всех взволновала гибель невинного ребенка.

Да не просто погиб, а был убит! Эта новость оглушила всех как громом. В Ньютоне никогда не случилось

никаких преступлений, которые заслуживали бы упоминания. Про насилие здешние жители знали исключительно из выпусков новостей и телевизионных передач. В их картине мира насильственные преступления были уделом криминальных районов, чем-то, что могло произойти исключительно в среде маргиналов. Это, разумеется, заблуждение, и они это знали; если бы погиб взрослый, они бы не были столь потрясены. Вопиющим в их глазах убийство Рифкина делало то, что жертвой оказался один из местных подростков. Это шло вразрез со сложившимся образом Ньютона. Какое-то время на въезде в город стоял знак, провозглашавший его «сообществом семей, семьей сообществ», и нередко приходилось слышать, что Ньютон — «хорошее место для того, чтобы растить детей». Что, в общем-то, соответствовало действительности. Здесь на каждом шагу были подготовительные курсы и репетиторы, школы боевых искусств и субботные футбольные клубы. Особенно пестовали идею того, что Ньютон — рай для детей, новоиспеченные родители. Многие из них ради того, чтобы перебраться сюда, вынуждены были покинуть хипстерско-интеллектуальный Бостон. Им пришлось смириться с огромными расходами, отупляющим однообразием и закрадывающимся разочарованием, сопутствующими их новому стилю жизни. Для этих не определившихся до конца несчастных вся затея с переселением в пригород имела смысл лишь потому, что он был «хорошим местом для того, чтобы растить детей». Ради этого они пожертвовали всем.

Перемещаясь из комнаты в комнату, я проходил мимо одного племени за другим. Подростки, друзья погибшего мальчика, набились в небольшое помещение в передней части дома. Они негромко переговаривались, бросая друг на друга внимательные взгляды. У одной девочки от слез потекла тушь. Мой собственный сын Джейкоб, тощий и долговязый, сидел в невысоком кресле, на

отшибе от остальных, уткнувшись в экран мобильного. Чужие разговоры его явно не интересовали.

Убитые горем родные устроились в соседней гостиной: пожилые дамы и малолетние кузены.

И наконец, в кухне собрались родители детей, которые когда-либо ходили в школу вместе с Беном Рифкином. Это был наш круг. Мы знали друг друга с того самого дня, когда наши дети восемь лет назад пошли в детский сад. Мы тысячи раз сталкивались друг с другом, отвозя детей на занятия по утрам и забирая после уроков днем, мы сидели рядом на бесчисленных футбольных матчах, благотворительных школьных мероприятиях и одной достопамятной постановке «Двенадцати разгневанных мужчин». И тем не менее, если не считать нескольких устоявшихся связей, знали друг друга не так уж и хорошо. Нас объединяли товарищеские узы, да, но не подлинная дружба. В большинстве своем наши отношения не пережили бы выпуска детей из школы. Но в те первые несколько дней после убийства Бена Рифкина мы испытывали иллюзию близости. Как будто все внезапно раскрылись друг перед другом.

В огромной кухне Рифкинов — плита «Вульф», холодильник «Саб-Зиро», гранитные столешницы, белые шкафчики в английском стиле, — сбившись в группы по три-четыре человека, родители делились друг с другом интимными подробностями про бессонницу, печаль, ощущение ужаса, от которого невозможно было избавиться. В их разговорах снова и снова звучала тема школы «Колумбайн», 11 сентября и того, как гибель Бена заставила их цепляться за своих детей, пока это еще было возможно. Градус зашкаливающих эмоций того вечера усиливал теплый свет ламп в виде оранжевых шаров, свисавших с потолка. В этом рыжем зареве родители безудержно предавались роскоши взаимного обмена секретами.

Когда я вошел в помещение, одна из мам, Тоби Ланцман, стоя у кухонного островка, выкладывала на блюдо закуски. Через плечо у нее было переброшено полотенце. На предплечьях, когда она работала, выступали сухожилия. Тоби была лучшей подругой моей жены Лори, одно из немногих долгосрочных знакомств, которые мы здесь завязали. Она увидела, что я ищу взглядом жену, и указала в противоположный конец кухни.

— Она там оказывает мамашкам экстренную психологическую помощь, — произнесла Тоби.

— Я так и понял.

— Ну, нам всем сейчас не помешала бы небольшая психологическая помощь.

Хмыкнув, я бросил на нее озадаченный взгляд и двинулся прочь. Тоби была ходячей провокацией. Единственный доступный мне способ противостоять ей — стратегическое отступление.

Лори стояла в окружении небольшой группы мамаш. Волосы, густые и непокорные, она скрутила в небрежный узел на затылке и заколола массивной черепаховой заколкой. Она сочувственно поглаживала одну из приятельниц по руке. Та неприкрыто льнула к Лори, ни дать ни взять кошка, когда ее гладят.

Когда я подошел к жене, она обняла меня за талию:

— Привет, милый.

— Нам пора ехать.

— Энди, ты твердишь это с той самой секунды, как мы переступили через порог.

— Неправда! Я только думал это, но не произносил вслух.

— Да у тебя все на лбу написано. — Она вздохнула. — Так и знала, что надо было ехать на своей машине.

Она внимательно поглядела на меня. Везжать ей не хотелось, но жена понимала, что мне неуютно находить-

ся в центре всеобщего внимания, что я вообще человек не слишком общительный, — вся эта светская болтовня всегда меня выматывала. Семей, как и любой другой организацией, необходимо управлять.

— Поезжай один, — решила она наконец. — А меня подбросит до дома Тоби.

— Да?

— Да. А почему нет? И Джейкоба с собой захвати.

— Ты уверена? — Я склонился к ней — Лори почти на фут ниже меня ростом — и театральным шепотом произнес: — Потому что мне *до смерти* хочется остаться.

Она рассмеялась:

— Поезжай. Пока я не передумала.

Мрачные женщины не сводили с меня глаз.

— Поезжай. Твое пальто наверху в спальне.

Я поднялся на второй этаж и очутился в длинном коридоре. Здесь шума было практически не слышно, и я вздохнул с облегчением. Гул голосов по-прежнему эхом звучал у меня в ушах. Я принялся разыскивать пальто. В одной из спален, которая, по всей видимости, принадлежала младшей сестре погибшего мальчика, на кровати была свалена верхняя одежда, но моего пальто в ней не обнаружилось.

Дверь в соседнюю комнату была заперта. Я постучался, приоткрыл ее и просунул голову в щель, чтобы оглядеться.

Внутри царил полумрак. Единственным источником света служил торшер на латунной ножке в дальнем углу. Рядом в мягком кресле сидел отец погибшего мальчика. Дэн Рифкин был невысоким подтянутым мужчиной хрупкого сложения. Волосы его были, по обыкновению, аккуратно уложены. Он надел весьма недешевый на вид темный костюм с надорванным по иудейскому обычаю в знак траура лацканом. Зря испортили дорогую вещь,

подумалось мне. В полумраке глаза его казались запавшими, с темными синяками вокруг, что придавало лицу сходство с мордочкой енота.

— Здравствуйте, Энди, — сказал он.

— Прощу прощения. Я искал свое пальто. Не хотел вас беспокоить.

— Нет, пройдите, присядьте на минутку.

— Нет-нет, не хочу вас отвлекать.

— Пожалуйста, присядьте, я умоляю. Хочу кое о чем вас спросить.

У меня упало сердце. Мне доводилось видеть страдания тех, чьи близкие стали жертвой убийства. Работа такая, ничего не поделаешь. Хуже всего приходится родителям погибших детей, и, как по мне, отцам тяжелее, чем матерям, потому что их всю жизнь учили держаться стойче, «быть мужчинами». Исследования показывают, что отцы убитых детей регулярно умирают в течение нескольких лет после убийства, нередко от сердечного приступа. На самом же деле они умирают от горя. В какой-то момент следователь понимает, что тоже не железный и не может сопереживать всем и каждому. Поэтому вместо переживаний он сосредотачивается на технических аспектах своей работы. Превращает это в такое же ремесло, как и любое другое. Ключ тут в том, чтобы не впускать чужие страдания в свою жизнь.

Но Дэн Рифкин настаивал. Он замахал рукой, точно регулировщик, делающий машинам знак проезжать вперед, и мне не оставалось ничего другого, как аккуратно прикрыть дверь и опуститься в соседнее кресло.

— Выпить не хотите?

Он вскинул бокал с янтарным виски.

— Нет, спасибо.

— Энди, есть какие-нибудь новости?

— Нет, боюсь, что никаких.

Он кивнул и с разочарованным видом устремил взгляд в противоположный угол:

— Я всегда любил эту комнату. Прихожу сюда, когда надо подумать. Когда происходят подобные вещи, ты очень много времени проводишь в раздумьях.

Он выдавил из себя слабую улыбку: «Не волнуйся, я в порядке».

— Наверное, так оно и есть.

— Но мне не дает покоя одна мысль: почему этот человек это сделал?

— Дэн, не нужно...

— Нет, выслушайте меня до конца. Просто... я не... я не из тех, кому нужна чья-то жилетка, чтобы выплакаться. Я человек рациональный, вот и все. И у меня есть вопросы. Не относительно деталей. Когда мы с вами разговаривали, это всегда было про детали: улики, судебные процедуры. Но я человек рациональный, понимаете? Я человек рациональный, и у меня есть вопросы. Другие вопросы.

Я обмяк в своем кресле и почувствовал, как расслабляются мои плечи в молчаливой уступке.

— Хорошо. Ну, в общем, вот они: Бен был *хороший*. Это первое. Разумеется, ни один ребенок не заслуживает такого, независимо ни от чего. Я это понимаю. Но Бен на самом деле был хорошим мальчиком. Очень хорошим. И совсем еще ребенком. Ему было всего четырнадцать! Он никогда не доставлял никому никаких проблем. Никогда, никогда, никогда, никогда. Так почему? Какой был мотив? Я не имею в виду гнев, жадность, ревность и все такое прочее, потому что в нашем случае мотив не может быть настолько банальным, просто не может быть. Это в принципе против всякой логики! Кто мог быть настолько... настолько зол на Бена, да на любого ребенка? Это просто против всякой логики. Просто против всякой ло-

гики. — Рифкин сложил пальцы правой руки в щепоть и принялся медленно водить ими по лбу, выписывая круги по коже. — Ну, то есть что *отличает* этих людей? Потому что я в своей жизни, разумеется, испытывал эти чувства, эти *мотивы* — злость, жадность, ревность, — и вы их испытывали, как и любой другой. Но мы никогда никого не убивали. Понимаете? Мы никогда не смогли бы никого убить. А есть люди, которые убивают, люди, которые *могут*. Почему так?

— Я не знаю.

— Ну, должны же у вас быть какие-то мысли по этому поводу.

— Нет. Честное слово, их нет.

— Но вы же общаетесь с ними, вы имеете с ними дело. Что они говорят? Я имею в виду убийц.

— Они в большинстве своем не особенно разговорчивы.

— А вы их спрашивали? Не почему они это сделали, а что вообще делает их способными на это?

— Нет.

— Почему?

— Потому что они не ответили бы. Их адвокаты не дали бы им ответить.

— Адвокаты! — всплеснул он рукой.

— К тому же они все равно не знали бы, что ответить, ну, большинство из них. Все эти философствующие убийцы — бобы с кьянти и прочее в том же духе — это все чушь собачья¹. Такое только в кино бывает. И вообще, эти ребята кому угодно наплетут с три короба. Если заставить их отвечать, они, вероятно, начнут расска-

¹ Отсылка к известной цитате Ганнибала Лектора, героя Энтони Хопкинса из триллера «Молчание ягнят»: «Однажды меня попытался опросить агент по переписи населения. Я съел его печень с бобами и хорошим кьянти».

зывать про то, какое у них было тяжелое детство, или еще что-нибудь. Будут строить из себя жертв. Обычная история.

Рифкин коротко кивнул, давая мне понять, чтобы продолжал.

— Дэн, бессмысленно терзать себя в поисках причин. Их нет. И логика никакая там даже не ночевала. В том смысле, который вы подразумевали.

Он слегка поерзал в своем кресле, сосредотачиваясь, как будто ему необходимо было обдумать эту мысль. Глаза у него блестели, но голос был ровным, тщательно сдерживаемым.

— А другие родители тоже задают подобные вопросы?
— Они задают самые разные вопросы.
— Вы видите с ними после того, как дело раскрыто? В смысле, с родителями?

— Иногда.
— Я имею в виду, совсем потом, несколько лет спустя?
— Иногда.
— И они... какое впечатление они производят? У них все в порядке?

— У некоторых в порядке.
— А у некоторых — нет?
— У некоторых нет.
— И что они делают? Те, кто справляется? Какие ключевые моменты? Должна же быть какая-то закономерность. Какая у них стратегия, какие методы лучше всего? Что им помогло?

— Они обращаются за помощью. К родным, к тем, кто рядом. Существуют группы поддержки для тех, кто пережил утрату; они ходят в эти группы. Мы можем дать вам контакты. Вам нужно поговорить с нашим штатным психологом. Она направит вас в группу поддержки. Это очень полезно. Нельзя переживать такие вещи в оди-

ночку, это главное. Вы должны помнить, что есть другие люди, которые прошли через то же самое и понимают, что вы сейчас переживаете.

— А те, другие родители, которые не справляются, что происходит с ними? С теми, кто так никогда до конца и не приходит в себя?

— Вы в их число не попадете.

— А если попаду? Что тогда будет со мной? С нами?

— Мы этого не допустим. Об этом нельзя даже думать.

— Но такое случается. Ведь случается, правда же? Случается.

— Не с вами. Бен не хотел бы, чтобы такое случилось с вами.

Молчание.

— Я знаю вашего сына, — произнес наконец Рифкин. — Его зовут Джейкоб.

— Да.

— Я видел его у школы. Он производит впечатление славного парнишки. Рослый и красивый. Вы, наверное, им гордитесь.

— Горжусь.

— По-моему, он пошел в вас.

— Да, мне все так говорят.

Он сделал глубокий вдох:

— Знаете, я тут поймал себя на том, что думаю о ребятах из параллели Бена. Я к ним привязался. Мне хочется увидеть их успех, понимаете? Они росли у меня на глазах, я с ними как-то сроднился. Это странно, да? Я испытываю эти чувства, потому что это помогает мне почувствовать себя ближе к Бену? Поэтому я цепляюсь за этих ребят? Потому что это именно то, чем кажется? Это выглядит ненормально.

Лэндей У.

Л 92 Защищая Джейкоба : роман / Уильям Лэндей ; пер. с англ. И. Тетериной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 544 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-16955-5

Эндрю Барбер — первый заместитель окружного прокурора в престижном пригороде Бостона. Почти тридцать лет своей жизни он отдал борьбе с преступниками. И когда мальчика, вместе с которым Джейкоб, четырнадцатилетний сын Барбера, учился в школе, находят убитым, Эндрю полон решимости найти виновного. А как иначе, если на кону стоит безопасность собственного ребенка и спокойствие жителей родного города! Однако серьезная улика указывает на то, что убийцей может оказаться Джейкоб. Отстраненный от следствия, Эндрю готов пойти на все, лишь бы доказать, что его единственный сын никого не убивал. Отныне для него и его жены Лори существует лишь одна цель — защита Джейкоба.

Впервые на русском!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

УИЛЬЯМ ЛЭНДЕЙ
ЗАЩИЩАЯ ДЖЕЙКОБА

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ирина Киселева, Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 29.08.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 34. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1.
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru
Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-RBD-25442-01-R